

**Олег
ЦЕЛЕБРОВСКИЙ**
г. Петрозаводск

19 мая – День рождения Пионерской организации. Что это была за организация, объяснить молодому поколению вряд ли получится. Слишком много нюансов. Ну, а людям, прошедшим этот жизненный этап, ничего объяснять не надо. Они и так всё знают. Но вот захотелось в честь Дня пионерии вспомнить о том неисправимом влиянии, которое оказало на мою юную тогда, идеологически непорочную душу пребывание в лагере пионерского актива – «Артеке».

К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ БУДЬ ГОТОВ!

Кажется, в четвертом классе я торжественно поклялся, что всегда буду готов к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза. Оценив искренность моего обещания, старшие товарищи повязали мне на шею красный платочек, назвав его по-взрослому – галстуком, и я стал пионером.

Интересно, что в те времена такую клятву «будьготовности» давали все. Не быть пионером было нельзя. В чем вообще должна была проявляться постоянная готовность к борьбе, для меня до сих пор является загадкой. Никто толком этого не объяснил. Просто, если тебе говорили: «Будь готов!», ты должен был, вскинув руку, немедленно заверить: «Всегда готов!» Таких «всегда готовых» в 70-80-е годы было ни много ни мало – 20 миллионов. У некоторых эта готовность так и осталась нереализованной и автомати-

чески исчезла вместе с самим Советским Союзом и его Коммунистической партией, у других, таких как, например, Чубайс или Березовский, она превратилась в довольно успешную борьбу просто за ДЕЛО.

Но тогда, в начале семидесятых, мы, начинающие пионеры, искренне гордились, что у нас, юных ленинцев, все как у взрослых – отряды, форма, песни, лагеря. В общем, все в лучших традициях Советского государства.

Два пионерских лагеря в стране считались самыми-самыми: Всероссийский «Орленок», имевший военно-спортивный уклон, и Всесоюзный «Артек», в котором кроме всесоюзных смен были и международные, когда в лагерь приезжали юные борцы за коммунистическую идею из других стран. Видимо, чтобы обменяться опытом борьбы.

Считалось, что в эти два лагеря попадали только самые отъявленные пионеры, не по-детски проявившие себя в работе организации. Именно таким я и оказался. Весной 72-го года (я был в 6 классе) в нашу школу пришла по разнарядке одна путевка в «Артек», и мне, как проявлявшему высокую «всегдаготовность», предложили ею воспользоваться. Правда, несмотря на мою жуткую пионерскую активность, родителям пришлось выложить за путевку 180 рублей. По тем временам очень большие деньги. Хотя кому-то путевки доставались и за полцены, и вообще бесплатно. Что нужно было сделать и кем нужно было быть, чтобы получить путевку бесплатно, до сих пор для меня остается загадкой. Наверное, нужно было совершить какой-нибудь пионерский подвиг,

скажем, сдать в металлолом автомобиль родителей или перевести через дорогу несколько тысяч старушек. Как бы они не упирались.

ЗДРАВСТВУЙ, «АРТЕК»!

В «Артек», расположенный на Крымском полуострове недалеко от Гурзуфа, мы приехали поздно вечером, когда уже совсем стемнело.

На самом деле «Артек» трудно назвать единым лагерем, он объединяет порядка десяти дружин, каждая из которых является вполне самостоятельным подразделением и которые находятся на некотором расстоянии друг от друга. Фактически каждую дружину можно считать отдельным лагерем. Нас привезли в дружину «Кипарисная», с которой в 1925 году и начинался «Артек».

Первым делом прибывшие пионеры должны были пройти санобработку – всех погнали в душ. Конечно, помыться с дороги – дело хорошее. Да и вообще, кто его знает, что могут притащить на себе пионеры, съехавшиеся из разных концов страны.

Сиротливо сложив свою гражданскую одежду на стульчиках и помывшись в душе, мы приступили к получению пионерской формы – повседневной и парадной. Стыдно признаться, но я, прекрасно сознавая, что вокруг меня находятся лучшие представители юных ленинцев, оставляя свои вещи, все-таки на всякий случай закинул фотоаппарат в чемодан.

Когда форма была выдана и нам предложили забрать свои вещи и выйти на улицу, я с изумлением обнаружил, что мои новенькие кеды куда-то исчезли. Другой обуви у меня не было, а ходить постоянно босиком, пусть даже и в Крыму, не очень-то хотелось. Порадовавшись, что не оставил на виду фотоаппарат, я с встречавшим нас артековским вожатым принялся за поиски кедров. Двухчасовое расследование с опросом присутствующих ничем не увенчалось. Надежда на то, что когда все покинут помещение, что-нибудь из обуви останется, тоже рухнула. В первые же часы пребывания в «Артеке» я оказался разут.

Мне стало предельно ясно, что в этом лагере собрались действительно очень активные представители пионерской организации и рот здесь разевать нельзя!

В конце концов, пионервожатый куда-то сбегал и принес мне оставшиеся, видимо от какого-то пионера из предыдущей смены, спортивные тапки, в которых я и проходил все время моего пребывания в «Артеке». И даже сохранил их как память о том, как меня встретил «Артек», до сих пор.

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Говорят, в 1925 году «Артек» начинался с палаток. Надо сказать, что и в 1972 году барак, сколоченный из древесностружечных плит, в котором нас поселили, по уровню комфорта недалеко ушел от обычной палатки. Правда, его размеры поражали воображение. Ни в одном пионерском лагере, где мне довелось побывать, а их было немало, я не жил в палате, где одновременно располагалось два отряда общей численностью в сорок человек.

Барак был разделен вдоль перегородкой. В каждой половине жили мальчишки из двух отрядов. Сорок пионерских активистов в одном помещении, это я вам скажу, сильно. Поскольку одним из самых распространенных способов времяпровождения в пионерских лагерях являются бои на подушках, можете себе представить, что творилось в палате, если два отряда начинали сражение в сорок подушек. А случилось такое почти каждый день. Одно слово – активисты. Когда после сражения оставшиеся в живых вываливались на улицу, с ног до головы покрытые пухом и перьями, прилипшими к потным телам, трудно было не только предположить, что это юные ленинцы, приехавшие в лагерь пионерского актива, но и что это вообще человеческие существа.

Помнится еще одно расхожее развлечение, достойное борцов за дело Коммунистической партии. Поскольку мы практически всегда ходили строем, считалось очень забавным что есть силы пнуть впереди идущего по подошве в тот момент, когда он поднимает ногу. Нога в этом случае взлетала гораздо выше, чем положено. Марширующий пионерский отряд, в котором все шеренги, исключая последнюю, идут, высоко задирая ноги, смотрится довольно весело.

ВЕЧЕР ЗНАКОМСТВ

На второй день пребывания в «Артеке» нас повели на берег моря знакомиться друг с другом. В «Артеке» все не просто так, и знакомиться, как в других лагерях – самостоятельно, не принято. Есть традиция. На берегу разжигают костер, все садятся вокруг него и по кругу передается сосновая ветка. К кому в руки она попала, тот должен рассказать о себе – откуда приехал, чем увлекается, за какие заслуги попал в «Артек».

Традиция забуксовала на первом же здоровенном пионере-переростке из Москвы. Сначала он никак не хотел брать в руки ветку. Потом, когда вожатая чуть ли не силой всучила ему эту «эстафетную палочку», он заявил, что ничего говорить не будет. Но традиции

на то и традиции, чтобы им следовать. Поэтому вожакая насела на бедолагу, как гестаповец на партизана: «Говори, паразит, за что тебя послали в Артек!»

Наконец парню все это надоело, и он чуть ли не зарорал: «За что, за что! За деньги!» Надо сказать, подобное поведение и такой ответ оказались самыми популярными. Процедура затянулась часа на три. Так я и познакомился с пионерскими активистами со всех концов Советского Союза.

БЕРЛИК

Самым колоритным человеком в нашем отряде был маленький смуглый киргиз по имени Берлик. Он жил в каком-то заброшенном ауле, в горах, где, по его словам, был настоящий бай, на которого весь этот аул и работал. Берлик пас его овец. В школе, куда Берлик ходил в другой аул за несколькими километрами, он был единственным парнем. Остальные, видимо, себя учебой не утруждали, или на их баев надо было больше работать. Наверно поэтому именно Берлику досталась пришедшая на школу бесплатная путевка в «Артек».

По своей наивности и непосредственности Берлик напоминал Маугли, попавшего из джунглей в мир людей. Его все изумляло и восхищало. Однажды, когда мы возвращались с какой-то экскурсии, а навстречу шли три толстых, увешанных массивными фотоаппаратами немца, я сказал Берлику, что смотри, вон немцы прошли. «Живые немцы?! – изумлению маленького киргиза не было предела. – Я же в школе немецкий язык учу! Надо с ними поговорить!» Берлик выскочил из строя, подбежал сзади к немцам и издал громкий дикий гортанный крик, больше всего напоминающий лай взбешенной собаки. Немецкие толстяки, не оборачиваясь, как-то неестественно подлетели в воздух и как три подбитых дирижабля опустились в колючие кусты акации, растущие у дороги, откуда потом долго с руганью выбирались. Они, похоже, так и не поняли, что за зверь накинулся на них сзади, и, наверное, очень радовались, что кусты спасли их от нападения неизвестного крымского монстра. Берлик же, несколько не удивленный произведенному эффекту, довольный тем, что пообщался с иностранцами на их языке, встал в свою шеренгу и продолжил путь с отрядом. Я спросил у Берлика, что он такое страшное крикнул.

– Я с ними поздоровался, – объяснил Берлик, – сказал им: «Ауффидерзейен!»

Хорошо немецкий язык у них в ауле преподавали.

Во время пребывания в «Артеке» нас часто водили на разные экскурсии. Один раз мы пошли в Музей космонавтики, расположенный, если мне память не

изменяет, прямо на территории лагеря. В музее стоял самолет МиГ-15 со спаренной кабиной. Мы по двое забирались в нее, чтобы хоть немного почувствовать себя в роли пилотов. Я попал в пару с Берликом. Маленький, юркий киргиз первым прыгнул на переднее сиденье и схватился за ручку управления. Поэтому, когда я сел на второе место, моя ручка, спаренная с первой, начала с бешеной скоростью стучать мне по коленям. Я пытался докричаться до Берлика, чтобы он не болтал ручкой с такой силой, но поскольку киргизский пастух в этот момент голосом очень правдоподобно имитировал звук реактивного двигателя, все было бесполезно. Я даже пожалел, что катапульта в самолете не работала. Когда, уже на земле, потирая разбитые колени, я попытался объяснить Берлику, что рукоятки – спаренные и такие активные эволюции с ними производить не надо, он искренне удивился и сказал, что такого не может быть. Раз у каждого своя ручка, значит, каждый и летит туда, куда хочет. И не важно, что самолет один.

КАК Я ЧУТЬ ОТРЯД НЕ РАСФОРМИРОВАЛ, ИЛИ ВОСПИТАНИЕ ПО-АРТЕКОВСКИ

Почему-то когда я был пионером, меня всегда выбирали на какие-нибудь должности. То я был звеньевым, то председателем совета отряда, то членом совета дружины. В «Артеке» меня сразу выбрали флажконосцем. Я отвечал за флаг отряда. Каждый день я должен был идти в штаб дружины, где стояли отрядные флажки и флаг дружины, и, отдав рапорт, получать наш отрядный флажок, без которого мы никуда не перемещались. Каждый вечер, снова отрапортовав старшему пионервожатому, я возвращал флаг на место.

Как-то раз, обнаружив, что флажок немного порвался, я решил его зашить и, оставив флаг в палате, отправился искать красные нитки. Когда я вернулся с поисков, флага в палате не было. Хорошо, что сердце юного пионера слишком молодо для инфаркта. Иначе там бы он меня и настиг. Я бросился на поиски. Сначала, решив, что это дурацкая шутка моих товарищей по отряду, я устроил перекрестный допрос с пристрастием всех присутствующих. Безрезультатно. Вспомнив пропавшие в первый же день кеды и кляня себя, что все-таки разинул рот в окружении пионерских активистов, я кинулся с повинной к главному методисту дружины Олегу Николаевичу. Тезка молча меня выслушал, а когда я закончил свои сбивчивые объяснения, начал, как и положено методисту, методично и злорадно втоптывать меня в грязь.

– Как ты мог оставить без присмотра флаг отряда! Знаешь ли ты, что в таких случаях расформировыва-

ют воинские части и теперь то же самое грозит вашему отряду! Это первый случай за всю историю «Артека»! Ты опозорил себя и отряд на всю страну!

Я пытался пролепетать, что вокруг-то ведь лучшие представители пионерской организации, но тут же услышал в ответ, что вокруг сплошные разгильдяи и хулиганы, которые только и ждут, чтобы кто-нибудь потерял бдительность и оставил в корпусе флажок. В общем, иди и где хочешь ищи, в завершение было сказано мне.

Я долго искал. Ползал под кроватями, собирая пыль, заглядывал во все щели, куда можно было бы спрятать флажок, но все без толку. Попутно я всех расспрашивал, не видел ли кто-нибудь наш флажок. И вдруг один парень говорит мне, что да, видел. Его из отряда забрал методист – Олег Николаевич. Я не поверил собственным ушам. Выходит, методист и есть тот самый хулиган и разгильдяй, который только и ждал, пока я потеряю бдительность. Я снова нашел Олега Николаевича и сказал, что его видели с нашим флажком в руках. На что он ответил, что флажок стоит на месте, а я должен благодарить его за науку. Но я почему-то никакой благодарности не испытывал.

ЧТО Я, МАМОНТ, ЧТО ЛИ?

Артековские будни наполнены самыми разными событиями и мероприятиями. Это и встречи с разными известными людьми, и масса экскурсий по Крыму, и постоянные занятия в так называемой школе пионерского актива. Нас учили стучать по барабану, дуть в горн, рассказывали, как организо-

вать работу отряда. Периодически проводились трудовые десанты. Причем десантироваться куда не надо было. Надо было хватать метлу и подметать территорию или заниматься какой-нибудь подобной деятельностью. Так вот стоило вожатой войти в палату и произнести первую фразу: «Сегодня мы будем заниматься...», как все дружно с возмущением в голосе заявляли: «Что я, мамонт, что ли?» Эта сентенция произносилась раз по пятнадцать в день по любому поводу. Причем ввел ее в обиход тот самый пионер-переросток, которому при знакомстве первому вручили сосновую ветку. Надо сказать, что если по своему физическому развитию он действительно мало в чем уступал мамонту, то по умственному вымершее млекопитающее вполне могло дать ему фору. Однако фраза мгновенно прижилась и не произносилась, наверное, только тогда, когда отряд собирался в столовую.

Когда я, набравшись в «Артеке» опыта пионерского актива, вернулся в родную школу и классный руководитель предложила мне рассказать о моем пребывании во Всесоюзном пионерском лагере, я немедленно заявил: «Что я, мамонт, что ли?»

Классная была поражена до глубины души. Я – пионерский активист, председатель совета отряда, хорошист и вообще ранее безотказный, как автомат Калашникова, мальчик, вдруг отказываю ей, да ещё в такой циничной, можно сказать изощренной, форме...

Она не знала, что «Артек» превратил меня из мамонта в нормального человека.

Олег Николаевич ЦЕЛЕБРОВСКИЙ

родился 12 июня 1960 г. в г. Куйбышеве.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Работал корреспондентом, обозревателем, заместителем редактора, редактором в карельских газетах.

Член Союза журналистов России.

Автор сборника фантастических рассказов «Забег с драконом»

(в соавторстве с С. Аркавиным),

детской книги «Приключения Маргариты и её друзей».

В настоящее время редактор отдела очерка и публицистики журнала «Север».

